

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-531-571>

<https://elibrary.ru/SYFSAS>

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents
УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. А.Б. Шишкин, предисловие, подготовка текста

© 2024 г. Н.А. Яковлева, подготовка текста

А.Д. ЗИНОВЬЕВА-АННИБАЛ. ДРАМА «ВЕЛИКИЙ КОЛОКОЛ»

Аннотация: Впервые по рукописи из Римского архива Вяч. Иванова публикуется последнее незавершенное произведение А.Д. Зиновьевой-Аннибал — драма-мистерия «Великий Колокол». Для реконструкции истории ее создания привлекается малоизвестный или неизданный эпистолярный семьи Ивановых. Один из ключей к истолкованию находим в дневнике Веры Шварсалон 1908 г., с его помощью поясняется один из главных религиозных символов драмы.

Ключевые слова: Вяч. И. Иванов, А.Д. Зиновьева-Аннибал, петербургский символизм, «символистский брак», эротическое единство, мистерия, утопизм, революция 1905 г., религиозный символ.

Информация об авторах:

Андрей Борисович Шишкин — профессор славистики, Университет Салерно, виа Джованни Паоло II, 132 — 84084 Фишано, Салерно, Италия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8762-7791>

E-mail: chichkine@gmail.com

Наталья Александровна Яковлева — PhD, доцент кафедры режиссуры балета, Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова. Театральная пл., д. 3, 190068 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1699-8102>

E-mail: niakovleva@hotmail.com

Для цитирования: А.Д. Зиновьева-Аннибал. Драма «Великий Колокол» / предисл. А.Б. Шишкина, подгот. текста Н.А. Яковлевой и А.Б. Шишкина // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 531–571.

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-531-571>

© 2024. *Andrey B. Shishkin, preface, text preparation*

© 2024. *Natalia A. Yakovleva, text preparation*

L.D. ZINOVYEVA-ANNIBAL.
DRAMA "THE GREAT BELL"

Abstract: For the first time, the final unfinished work of L.D. Zinovieva-Annibal, the dramatic mystery "The Great Bell" is published based on a manuscript from the Roman archive of Vyacheslav Ivanov. A little-known or unpublished correspondence of the Ivanov family is used to reconstruct the history of its creation. One of the keys to interpretation is found in Vera Shvarsalon's diary from 1908, which helps clarify one of the main religious symbols of the drama.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, L.D. Zinovyeva-Annibal, Petersburg Symbolism, "Symbolist marriage", erotic unity, mystery, utopianism, 1905 revolution, religious symbol.

Information about the authors:

Andrey B. Shishkin, professor of Slavic Studies, University of Salerno, Italy, Via Giovanni Paolo II, 132 — 84084 Fisciano (SA), Italy.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8762-7791>

E-mail: chichkine@gmail.com

Natalia A. Yakovleva, PhD, Associate professor at the Department of Ballet Directing, Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Teatralnaya Square, 3, 190068 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-1699-8102>

E-mail: niakovleva@hotmail.com

For citation: "L.D. Zinovyeva-Annibal. Drama "The Great Bell", preface by A.B. Shishkin, text preparation by N.A. Yakovleva and A.B. Shishkin. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 531–571. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-531-571>

Книга «Любовь и смерть», начинающая вторую часть поэтического сборника Вяч. Иванова «Cor Ardens» (1911), открывается такой загадочной строфой:

Великий Колокол на богомолье
Тебя позвал... Тоской

Затрепетала вдруг нетерпеливой
И вырвалась душа в свое приволье
(На подвиг иль покой?)
Из ласковых оков любви ревнивой...
И вновь над темной нивой
Тебя я вижу сиркою Церерой:
С печалию и верой
Зовешь ты дождь и солнце на поля,
Где пленный сев еще таит земля [10, т. 2, с. 397].

Эта строфа, как и вся канцона, обращена к почившей жене поэта. На отдельном титуле книги «Любовь и смерть» было обозначено:

КАНЦОНЫ И СОНЕТЫ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ ИМЕНИ
ЛИДИИ ДИМИТРИЕВНЫ ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ
(† 17 ОКТЯБРЯ 1907 Г.)

В качестве комментариев ко всему корпусу стихов этой книги редакторами второго тома брюссельского Собрания сочинений Вяч. Иванова приведены три дневника писателя за 1902–1910 гг. [10, т. II, с. 769–770]. Первый из них открывается дневниковой записью 1902 г. Темы здесь — творчество и Божественное начало, соотносенные с символом Древа Жизни¹.

Летом 1908 г., через девять месяцев после кончины Лидии Зиновьевой-Аннибал, Иванов возвращается к своему дневнику 1902 г. и на том же листе продолжает размышления на те же темы. Новое здесь — незавершенное творчество Зиновьевой-Аннибал. Запись говорит о некоем императиве: об «устроении», т. е. воссоздании, осуществлении им еще не воплощенного в земной жизни его женой:

¹ В различных вариантах он будет присутствовать в программных ивановских текстах — от сонета «Apollini» (1909), до сонета «Язык» (1927); см. об этом цикл статей Д.Н. Мицкевича: [3; 4]. О значениях мифопоэтического комплекса, связанного у Иванова с Древом, см.: [6, с. 245–265]; см. также: [5, с. 521–569] и указанную здесь литературу.

Через шесть великих лет — и один в зримом мире — должна я писать в этой святой книжечке — <...> работаю на новой Башне, уже давно осиротелой, с той же беззаветно верной и высокой, нет, — еще лучшей и высочайшей Марусей и с милым и гениальным Кузминым над устройением Ея Труда, поистине в небеса выросшего из темной земли во славу Духа Святого и огня Его. И как тогда мы шли к людям с благовестием Кормчих Звезд, так и теперь идем с благовестием Великого Колокола и заветом Пламенников [10, т. II, с. 771]².

Значение возвышенного профетического пафоса этой экстатической, и при том сугубо личной, записи трудно переоценить. Для целей нашей публикации извлечем из этого не сразу понятного текста следующее: Иванов рассматривал роман «Пламенники»³ и драму-мистерию «Великий Колокол» как акты совместного творчества с Зиновьевой-Аннибал⁴, как некое его с ней «благовестие людям» — теургическое действо, которое должно было послужить делу преобразования мира⁵.

Что известно о публикуемой ниже драме «Великий Колокол»? Об истории ее создания удастся найти весьма немного; в эпистолярии насельников Башни она упоминается считанные разы. Первый замысел драмы можно отнести еще к концу 1905 г. В пись-

² Автографы см.: <https://u.to/-w5IIA> и <https://u.to/Zw9IIA>

³ Первую часть романа «Пламенники» предполагалось опубликовать в «Скорпионе» еще в 1903 г., но дело остановилось. См. об этом: [9, с. 10–56].

⁴ Ср. пронизательное наблюдение М.В. Михайловой о творческом союзе Иванова и Зиновьевой: «Совершенно не удивляет <...>, что люди из их окружения начинают воспринимать супругов как нерасторжимое творческое единство. Выразительно пишет об этом О. Беляевская, рассуждая “о значительности совместного таланта”: “я не могу отделять Вас от Вяч. Ив. даже в его работах”. Они и сами начали размышлять о совместных выступлениях в печати. Один из первых проектов — общий журнал, в котором должны были печататься только они, разбирая при этом произведения друг друга. Но уже в 1904 г. все же удалось создать некий “общий” текст — драму Зиновьевой-Аннибал “Кольца” со статьей Иванова “Новые маски”, ставшей предисловием и своеобразным ключом к пониманию символики и мифологем этой пьесы. Оба произведения были рассчитаны на их восприятие читателем в единстве» [2, с. 70].

⁵ О теургии у Вяч. Иванова см. новую работу: [7].

ме к М.М. Замятниной от 30 ноября 1905 г. Зиновьева-Аннибал сообщала:

Занята своей драмой теперь дико. Странная символическая фантастика на современную, политическую, революционную тему. Или пан, или пропал. Я сожгла свои корабли и всем рассказала — врагам-друзьям литературным (все они враги-друзья) нарочно, чтобы не было возврата и позор неудачи навсегда отбил у меня охоту быть «литератором» в цирке судорожных состязаний. Тогда пойду в действенную революцию... Или поставят мою драму в эту зиму в Петербурге в театре Мейерхольда... [1, с. 192]

Какая-то из первых редакций драмы сложилась уже к концу года. Из колоритного описания легендарной Среды 28 декабря 1905 г., когда полиция пришла с обыском на Башню, мы узнаем, что пристав «просмотрел лист за листом» рукопись драмы [9, с. 149]. Здесь речь, скорее всего, могла идти лишь о самом начальном варианте драмы; в январе 1906 г. Зиновьева собралась вновь заняться ею всерьез. Об этом находим свидетельство в сбивчивой фразе письма от 16–17 января 1906 г.:

...вот Великий Колокол захватил; так до его окончания будет болеть нога: невралгия!!! [9, с. 153].

Но весной и летом работа на «Колоколе», вероятно, приостановилась. Это можно заключить из двух следующих эпистолярных указаний. 5 июня 1906 г. в письме к М.М. Замятниной после просьбы снять дом в швейцарских Альпах Зиновьева-Аннибал сообщала: «...буду писать “Колокол” там, а теперь приведу уже в вид для печатания свою книгу рассказов»⁶. В послании же к Иванову от 26 июля / 8 августа 1906 г. сетовала: «Когда-то освобожусь для “Колокола”», — а через два дня продолжала: «Сейчас я опять в подавленном состоянии, ни “Черт”, ни “Колокол” не идут»⁷. О том, что работа над «Колоколом» в то время была

⁶ НИОР РГБ. Ф. 109. К. 23. Ед. хр. 19.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 109. К. 22. Ед. хр. 13.

далека от завершения, следует из отзыва Иванова на проект новой книги Зиновьевой:

Вот «Колокол» меня пугает своею идейностью. Его нужно скорее отлить, чтобы он не пугал звоном со дна душевных омутов, как «потонувший колокол» пугает героев Гауптмана [8, с. 162].

Как можно думать, и к лету—началу осени 1907 г. вариант драмы, который мог бы удовлетворять ее автора, еще не созрел. В первых числах июня 1907 г. М. Сабашникова спрашивала Зиновьеву:

Идет ли у тебя, Лидия, «Колокол», нашла ли верный тон? Очень, очень интересно [9, с. 206].

Завершение «Колокола» отложено на неопределенное будущее, об этом как будто свидетельствует признание Зиновьевой в письме к К.А. Сюннербергу от 14 сентября 1907 г.:

Я пишу Пламенников, буду печатать зимой. Есть у меня в уме и в сердце некий Вел. Колокол, но нет книг для его продолжения (они будут там литер. фоном<?>)⁸.

Болезнь и смерть Зиновьевой-Аннибал в октябре 1907 г. оказалась для ее семьи крайне неожиданной. Но по достоверным воспоминаниям Веры Шварсалон, «Вячеслав сразу занялся соб<и>ранием маминых рукописей. <...> Кажется, даже накануне [ее кончины. — А.Ш.] первая его мысль была о том, чтобы их всех собрать, чтобы ни одного листка не пропало, и о том, что нужно весь матерьял собрать, устроить и напечатать»⁹. Следует думать, что собранный (но не разобранный) архив Зиновьевой тогда же был привезен в Петербург на Башню, затем, уже в 1910-е гг., перемещен в московскую квартиру Ивановых и нако-

⁸ РО ИРЛИ. Ф. 474. К. 140. Пользуемся приятной возможностью поблагодарить за представление этого текста А.А. Соболева.

⁹ Дневниковые записи и воспоминания В.К. Шварсалон о последних днях и смерти матери цит. по [9, с. 259–260].

нец в 1924 г. взят в итальянскую эмиграцию (часть же архива, вместе с архивом самого Иванова, осталась в Москве и позднее составила основу фонда 109 в НИОР РГБ). Римская часть систематизирована и описана трудами С.К. Кульюс в 2012 г. [11]. Наряду с многочисленными набросками и черновиками «Пламенников» и других сочинений в Римском архиве представлены рукописные материалы драмы «Великий Колокол».

Их изучение подтверждает, что работа Зиновьевой-Аннибал над «Великим Колоколом» завершена не была и что, соответственно, мы не располагаем окончательной редакцией «Колокола». Ниже публикуется композитный вариант, составленный из перечерченного беловика и черновика Зиновьевой и чернового автографа Вяч. Иванова (это скоропись чернилами и три рисунка синим карандашом, л. 20–21об.; см. воспроизведение этих листов на с. 539 и текстологическую справку Г.В. Обатнина ниже).

Составила этот вариант сама Зиновьева осенью 1907 г. или уже Вяч. Иванов после ее смерти? Записал ли он текст на л. 20 под диктовку Зиновьевой или зафиксировал уже впоследствии по памяти? Определенные ответы на эти вопросы трудно, если не невозможно найти, хотя на наш взгляд не исключено, что перед нами вариант самой Зиновьевой.

Таким образом, к интерпретации сюжета «Колокола» и его образов и символов надо подходить с особой осторожностью. Историки литературы увидят в публикуемом тексте влияния М. Метерлинка, Л. Андреева, Горького и самого Вяч. Иванова. Однако изучение фрагментов литературных влияний и перекличек в «Колоколе» не приведет нас к пониманию его как целого. К счастью, один из ключей к истолкованию мы находим в неизданном дневнике Веры Шварсалон, датированном концом лета 1908 г. Примечательно, что речь здесь идет не о самой мистерии, а о ее главном религиозном символе¹⁰:

¹⁰ Признавая масштабность современных исследований и интерпретаций символа, позволим себе для удобства читателя процитировать несколько строк из письма к Андрею Белому от 31 января 1906 г. ближайшего единомышленника Вяч. Иванова — П.А. Флоренского; на наш взгляд, они адекватны концепции символа в семилетие Башни: «...символы строятся духом

Вчера В.<ячеслав> читал Мамину повесть «за решеткой»¹¹ — она меня взволновала (как давно тогда, когда я читала «о благонадежности мироздания»¹²) — но тут волнение мучительное. Потому что важнее протеста и совпадает совершенно с тем внутренним разладом, кот<орый> меня всегда преследует. <...> Я В<ячеславу> говорила об этом вечером и он мне говорил о великом колоколе, кот<орый> нужно постоянно слушать и который велит идти — Этот великий колокол не всегда совпадает с личным желанием и когда он совпадает, тогда можно идти по желанию, но иначе идти за колоколом. Нужно, чтобы он как бы взял за плечо и толкал бы вперед...

25.8.[19].08 <...> В<ячеслав> главным образом сказал, что я не должна следовать обязательно по мамину пути, но слушать ее великий колокол.

[25.9.1908] То, что [говорил] понял В-в сегодня о роли своего хора слишком важно, чтобы не записать это. Но он скажет сам в своей статье. Да, зрители не должны жить в герое, а в хоре, и в этом смысле хор *должен* присутствовать тайно или явно в каждом драм<атическом> произведении. Думаю о Колоколе¹³.

Текстологическая справка

Все известные на сегодняшний день рукописи драмы Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Великий колокол» находятся в Римском архи-

по определенным законам и с внутренней необходимостью, и это происходит всякий раз, когда начинают особенно живо функционировать некоторые стороны духа. <...> Аллегии делаются (fiunt) и уничтожаются; символы возникают, рождаются в сознании и исчезают из него, но они в себе — вечные способы обнаружения внутреннего, вечные по своей форме; мы воспринимаем их лучше или хуже, смотря по действительности некоторых сторон духа. Но мы не можем сочинять символов, они сами приходят, когда исполняешься *иным* содержанием» [12, с. 463].

¹¹ Т. е. рассказ «За решетку», опубликованный в сборнике «Нет!» (1918).

¹² Имеется в виду рассказ «Кошка. Отрывок из письма о неблагополучии мироздания» (сб. «Нет!»).

¹³ НИОР РГБ. Ф. 109. К. 46. Ед. хр. 51. Л. 5–5 об., 9. Пользуемся приятной возможностью поблагодарить за представление этого текста Г.В. Обатнина.

Вяч. Иванов.

Наброски декораций к драме Л. Зиновьевой-Аннибал “Великий Колокол”.
Синий карандаш.

[illegible]

Вяч. Иванов.

Лист из драмы Л. Зиновьевой-Аннибал "Великий Колокол".

Черновой автограф. Чернила.

ве Вяч. Иванова. Публикуемый ниже вариант имеет композитный характер: большая часть его (лл. 1–19) представляет собой правленный белой автограф чернилами рукой писательницы, содержащий дополнения карандашом на полях, лист 20 — черновой автограф другими чернилами рукой Вяч. Иванова, лл. 22–27 — черновики рукой Зиновьевой-Аннибал, недописанный фрагмент на л. 28 занимает, вероятно, последний лист белой части, располагавшейся на первых девятнадцати листах, и последние два листа — снова черновик рукой писательницы. Рукопись носит законченный характер и скреплена медной скобой, возможно, будучи подготовленной Ивановым для типографского набора. На каком этапе работы поэта с материалами своей жены это произошло, пока сказать затруднительно, и поэтому трудно датировать ее составные части. То же самое можно сказать о прочих рукописях и фрагментах драмы, либо случайно попавших в багаж (об этом свидетельствует, например, затесавшийся лист из перевода Ивановым байроновского «Юлиана»), либо взятых целенаправленно. Всего таких черновиков шесть, они потребуются для текстологии будущего академического издания пьесы Зиновьевой-Аннибал, а здесь мы ограничимся их краткой характеристикой. Фрагмент перечерненного белого автографа (л. 4–7) находится в папке с обложкой с обозначенным на нем рукой Иванова заглавием «Великий Колокол (“Никлые”) и афоризмы?» (в скобках название одного из неосуществленных поздних замыслов писательницы). Стихотворный вариант текста драмы располагается в двух автографах: четыре листа, тщательно переписанные рукой Иванова фиолетовыми чернилами, находятся в той же папке и содержат незаконченную речь Агии. Отдельно сохранилась также и обширная, частично нумерованная черновая рукопись, выполненная рукой Зиновьевой-Аннибал, представляющая собой, судя по всему, самый ранний вариант текста, а также его фрагменты, общим объемом в 44 листа. Кроме того, на полулистах рукой Зиновьевой-Аннибал записан прозаический вариант текста (33 л.), белой автограф с правкой, который, возможно, послужил основой для той рукописи, которая составляет большую часть публикуемого автографа. В этом убеждает то,

что они оба охватывают текст с первой до четырнадцатой сцен, а также сохранившийся конверт с пометой почерком предположительно М.М. Замятниной или В.К. Шварсалон: «“Великий Колокол” 2ая прозаическая редакция». Таким образом, имеются три основных автографа: первый в стихах (оригинальный и частично перебеленный Ивановым), вторая прозаическая редакция и тот, составленный из нескольких фрагментов, который теперь предлагается читателям. Кроме того сохранился фрагмент неустановленного белого автографа (3 л.), содержащий прозаический набросок диалога второй группы паломников из 9-й сцены, и черновая запись замысла драмы (3 л.), обозначенная как «1 акт», но, судя по содержанию, относящаяся к третьей сцене финального варианта.

Текст воспроизводится с сохранением авторских стилистических и графических особенностей, по правилам современной орфографии и пунктуации, и, за редкими исключениями, без учета авторской правки. Однако по требованию рецензента и в целях облегчения чтения обозначения персонажей приводятся в упрощенном виде, т. е. без учета сокращений и прочей правки, а также с унификацией строчных и прописных букв (напр., «Стар.<ец> Созерц.<атель>» воспроизводится как «Старец-созерцатель», «Глав.<арь>» как «Главарь», «Як.<ов>» и «Я.<ков>» как «Яков» и т. п.). С той же целью все слова, подчеркнутые автором, выделены полужирным шрифтом.

Список литературы

Исследования

1. *Галанина Ю.Е.* В.Э. Мейерхольд на Башне Вяч. Иванова // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2006. С. 187–205.
2. *Михайлова М.В.* Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал: крах «идеального союза» или «яркий образ возможного счастья»? // Философские эманации любви / сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М.: Издат. дом ЯСК, 2018. С. 62–98.

3. *Мицкевич Д.Н.* Принцип «восхождения» в сонете APOLLINI Вячеслава Иванова // *Eurora Orientalis*. 2002(1). Vol. XXI. С. 251–278.
4. *Мицкевич Д.Н.* «Реалиоризм» Вячеслава Иванова // *Христианство и русская литература*. СПб.: Наука, 2010. Сб. 6: Взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе / отв. ред. В.А. Котельников, О.А. Фетисенко. С. 254–342.
5. *Плюханова М.Б.* «Кипение света»: Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2016. 604 с.
6. *Топорков А.Л.* Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор. М.: Индрик, 2012. 496 с.
7. *Riggs Jeffrey T.* “A Fullness of Living Forces”: Viacheslav Ivanov’s Poetics of Theurgy: PhD dissertation. Los Angeles: University of California, 2018. 215 p.

Источники

8. *Альтман М.С.* Разговоры с Вячеславом Ивановым / сост., подгот. текстов В.А. Дымшица и К.Ю. Лаппо-Данилевского, ст. и коммент. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб.: ИНАПРЕСС, 1995. 384 с.
9. *Богомоллов Н.А.* Вячеслав Иванов в 1903–1907 годах: Документальные хроники. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2009. 286 с.
10. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
11. *Кульюс С.К.* Римский архив Лидии Димитриевны Зиновьевой-Аннибал. Опись. Рим: Исследовательский центр Вячеслава Иванова в Риме, 2012. 64 с. URL: http://https://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/2011/03/zinovjeva-annibal_archiv_rim_opis_v.1.0_06.2012.pdf (дата обращения: 09.01.2024).
12. Переписка [П.А. Флоренского] с Андреем Белым // Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / сост., подгот. текстов и коммент. Е.В. Ивановой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 433–484.

References

1. Galanina, Iu.E. “V.E. Meierkhol'd na Bashne Viach. Ivanova” [“Meyerhold on the Tower of Vyach. Ivanov”]. *Bashnia Viacheslava Ivanova i*

- kul'tura Serebrianogo veka* [Vyacheslav Ivanov Tower and the Culture of the Silver Age]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2006, pp. 187–205. (In Russ.)
2. Mikhailova, M.V. “Viacheslav Ivanov i Lidiia Zinov'eva-Annibal: krakh ‘ideal'nogo soiuzu’ ili ‘iarkii obraz vozmozhnogo schastiia?’” [“Vyacheslav Ivanov and Lidia Zinovieva-Annibal: the Collapse of the ‘Ideal Union’ or the ‘Vivid Image of Possible Happiness?’”]. Sineokaia, Iu.V., editor. *Filosofskie emanatsii liubvi* [Philosophical Emanations of Love]. Moscow, Izdatel'skii Dom IaSK Publ., 2018, pp. 62–98. (In Russ.)
3. Mitskevich, D.N. “Printsip ‘voskhozhdeniia’ v sonete APOLLINI Viacheslava Ivanova” [“The Principle of ‘Ascension’ in Vyacheslav Ivanov's Sonnet APOLLINI”]. *Europa Orientalis*, vol. XXI, 2002(1), pp. 251–278. (In Russ.)
4. Mitskevich, D.N. “‘Realiorizm’ Viacheslava Ivanova” [“‘Realiorism’ by Vyacheslav Ivanov”]. Kotelnikov, V.A., and O.L. Fetisenko, editors. *Khristianstvo i russkaia literatura*. [Christianity and Russian Literature], coll. 6: Vzaimodeistvie etnokul'turnykh i religiozno-eticheskikh traditsii v russkoi mysli i literature [Interaction of Ethnocultural and Religious-ethical Traditions in Russian Thought and Literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 254–342. (In Russ.)
5. Pliukhanova, M.B. “Kipenie sveta”: *Russkie Odigitrii v liturgicheskoi poezii i v istorii* [“Boiling of Light”: Russian Hodegetries in Liturgical Poetry and in History]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2016. 604 p. (In Russ.)
6. Toporkov, A.L. *Istochniki “Povesti o Svetomire tsareviche” Viach. Ivanova: drevniaia i srednevekovaia knizhnost' i fol'klor* [Sources of the “Tale of Svetomir Tsarevich” by Viach. Ivanov: Ancient and Medieval Literature and Folklore]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 496 p. (In Russ.)
7. Riggs, Jeffrey T. “A Fullness of Living Forces”: *Viacheslav Ivanov's Poetics of Theurgy: PhD dissertation*. Los Angeles, University of California Publ., 2018. 215 p. (In English)

<Сцена 1ая¹ >

С зубцов стены медленно сходят один за одним
три старца-созерцателя в аметистовых одеждах

1й Старец-созерцатель (останавливаясь) Уже в заре побледнела утренняя звезда. Полморя засветилось медью. Солнце встанет кровавое. Это смущает мою душу и не слагаются песни.

2й Старец-созерцатель. Закрой глаза, милый старец, и отдайся слуху. Там со стены над городом и морским прибоем я слышал гармонию вечных чисел. В ней сливаются все клики, стоны и проклятия. В эту ночь я слышал пение великих хоров.

3й Старец-созерцатель. О, братья, блажен наш высокий союз. В тишине и забвении тела мы созерцаем, как бьет прибой дней о берег вечности. И все проходит... И все недвижно. Бесстрашная красота миров исполняет наш дух.

1й Старец-созерцатель. Скоро встанет солнце и ударит Великий Колокол. Проснуты для слез и молитв бедные люди... Они забылись сном... Уйдем, друзья, в тишину.

Удаляются чрез дверь к воротам кладбища. Проходят мимо старцев молчаливых.

1 Старец-созерцатель. Эти всегда молчат.

2 Старец-созерцатель. Они знают последнюю тайну. Все гармонии сливаются в совершенное молчание.

1 Старец-созерцатель. В молчании их вера.

Проходят в ворота кладбища

2й Старец-созерцатель, проходя последним, про себя раздумчиво:

Мир — сон Бога, и люди <—> тени сна. Лишь разбудят Сновидца, мы сольемся с Ним. Тихими песнями шепчу Ему: Проснись!

¹ Вся разбивка на сцены была осуществлена позднее и внесена карандашом, а первая сцена оставлена без обозначения.

Сцена 2ая

Выступают, держась за руку, трое старцев пламенников в огненных одеждах

1й Старец-пламенник. Что тот сказал? Что тот сказал, проходя на кладбище?

2й Старец-пламенник. Бог сошел. Сам Бог сошел упиться ярым вином страданий.

3й Старец-пламенник. Умереть и воскреснуть.

1й Старец-пламенник. Преобразиться в сиянии и огнем преобразить мир.

2й Старец-пламенник. Он светился. Он светился на горе.

3й Старец-пламенник. Солнце встанет в крови!

1й Старец-пламенник. Кровь запылает огнем!

2й Старец-пламенник. Огонь! Огонь!

3й Старец-пламенник. Взгорись, мое сердце, и возрадуйся муке. Бейте молот по каленому железу! Сыптесь, искры, огнем моих мук!

1й Старец-пламенник. Лети пожар из искр моих каленых мук!

2й Старец-пламенник. Сплавь пожар сердце моей грешной земли!

3й Старец-пламенник. Скуйте из сердца молот мук, алтарь моему Богу!

1й Старец-пламенник. Из груди вырвем жертвенник сердца!

2й Старец-пламенник. Пылать будут жертвы — сердца перед лицом живого Бога!

3й Старец-пламенник. И в огненный восторг обратятся нам наши муки.

1й Старец-пламенник. Дрогнули свет<ы>! Не возшло ли солнце из-за моря?

2й Старец-пламенник. Братья, уйдем на башню, станем под Великий Колокол вопить к Богу!

3й Старец-пламенник. Нет, братья, сойдем в город! В городе гудки заводов глушат голос Великого Колокола!

1й старец. Сойдем в села! Блеянье и мычанье стад глушат голос Великого Колокола в селах!

2й старец. Вы правы, братья, огнем любимые. Сойдем с горы. Станем петь и глашатать людям!

Старцы пламенники удаляются через двор к воротам монастыря. Проходят мимо старцев молчальников.

1й Старец-пламенник. Эти всегда молчат.

2й Старец-пламенник. Они поняли последнюю тайну. Любовью испепелились сердца.

3й Старец-пламенник. В молчании открылась им вера.

Проходят в выходные ворота монастыря.

1й Старец-пламенник, проходя последним, про себя, раздумчиво:

Отвергнут ли уста сказать словами свое?

Сцена 3ья

Агния в белой одежде засвечивает в храме [Преображения] один за одним светильники. Потом тихо выступает. Берет с плиты у порога высокий кувшин, поднимает его на голову, пробирается между спящими к левому проходу со двора. Исчезает.

Сцена 4ая

Великий Колокол ударяет в первый раз.

Авва, просыпаясь от сна, садится. Оглядывает спящих вокруг.

Авва. Ударил Великий Колокол. Просыпайтесь! [Слепой Авва бдит за вас] Поклонники Духа Святого, просыпайтесь.

Многие двигаются. Авва встает с трудом на ноги. Опирается о посох.

Великий Колокол. Ударяет во второй раз.

Авва. Великий Колокол ударил во второй раз. Горé да имеем сердца. Будет третий удар. Чудо свершится.

Закидывает голову. Ищет слепыми глазами в небесах. Многие становятся на колени, молятся, стонут, воздыхают. Калеки переползают с одного места на другое, в волнении.

Великий Колокол. Ударяет в третий раз.

Авва, вскидывая к небу руки вместе с посохом: Совершается. Чудо совершается. Строится небесный храм. Загорятся семь глав небесного собора. Увижу. Увижу. **Роняет руки. К паломникам:** Лобзайте землю. Лобзайте мою землю. Да вознесем ее перед Господом. В сердца замкните милых братьев внизу оставшихся и ступайте во храм молиться и воспевать Господа!

Авва падает на землю и целует ее. В толпе паломников раздаются клики, стоны, аллилуйя. Многие бросаются на землю и целуют ее, рыдая и смеясь.

Хор Колоколов. Несется с башни рыданием и восторгом. Покрывает весь человеческий гомон двора.

Великий Колокол. Гудит неустанно, мерно, предводя колокола.

Паломники, суетясь толкуются, накидывают одежды, опоясываются. Собираются группами. Разбредаются одиночками. Тащат больных. Идут. Ползут. И медленно исчезают в проходы и храмы, <в> двери<?> направо, налево, вперед. Колокол смолкает.

Сцена 5ая

Паломник из группы отставших. Ты куда ведешь дурочку, сестра?

Паломница, ведущая за руку женщину с большой головой: Я в подземную. Там у Владычицы так же тихо и темно. Наша блажененькая и вчера там стояла; всё плакала, а сама радостная.

Паломник. А вы на долгий срок на гору взошли?

2ая паломница, перебивая: В душе то радость, не на земле.

2ой паломник. Истинно. На землю не надейся. В земле только Божья душа смеется.

1ая паломница. А очи земные всегда плачут.

Проходят

Сцена 6ая

Через двери из одного прохода в другой паломница ведет слепую. Слепая подняла вверх глаза, тело содрогается рыданиями. За подол ее ухватила девочка.

Паломница, торопливо к слепой. Не плачь. Не плачь. Потерпи еще. Ты проси, как дитя проси смело. А если не дастся тебе исцеление к иным путям ты назначена. Укрепится тогда сердце твое и такую благодатью исполнится от здешних мест горних, что не властны станут над тобой и над твоей девочкой ни побои, ни обиды деверя и снохи. И голод и холод не доймет. И всё что земное — малую цену получит, а всё что горнее <—> великую цену получит.

Слепая. Боюсь. Боюсь. [Сегодня и вовсе потеряла свет] **Рыдает. Девочка выбегает**

Паломница. Иди ж. Иди. Не плачь упираючись. Слезами последний свет выжжешь.

Слепая. И то выжгло. Сегодня и вовсе последний свет потеряла.

Паломница. Сведу тебя на места его страданий. Он, Он страдал, — мы ли не страдаем с умилением. Мы все вкупе. Мы все в соборе!

Девочка. Вот сбегая на зубцы, как мамка отмолятся. **Тянет мать к храму**

Подходит группа паломников и паломниц

Паломница. А видела я, девочка Божья, со стены поправее города мыс. Синим является и с трех сторон синее море, а меж деревьев белый дворец. В том ли дворце сам князь живет.

Агния. Князь в городе живет в другом дворце, дела творит. А на мыс ходит охотиться, от дел отдыхает. Да вы откуда будете? Далекие?

Паломник. Да мы за Болотами живем. За семь дней пути отсюда. Семь дней шли.

Агния, загораясь. Великий Колокол позвал.

2ая Паломница. Да, милая. Жизнь то у нас дома тихая. Мы не в обиде. Земли есть и всего есть. Только вот сердце стало беспокоится. Загораться стало сердце. Ночью стал ему звон слышиваться.

1ая Паломница. А мне и днем.

2ой Паломник. Мне и днем и ночью. Так и гудит. Всё бы бросил. К Богу пойти!

Агния, потерянная. Да. Да. Это Великий Колокол.

Паломники вместе. Это Великий Колокол.

Агния. Сердцу уснуть не дает.

Паломники. На подвиг от жизни узывает.

Агния. Подвиг сердца гореть перед Господом. На то мы родились. Жизнь и земля горящим сердцем просветит.

4-ая Паломница, кланяясь. Скажи, Божья девочка, в который храм нам идти?

Агния, сложив молитвенно руки. Здесь храмов много. Есть во славу рождения Бога и во славу Родившей и во славу воскресения Его и во славу преображения Земли. Есть подземные храмы: там во мраке пути глухие ходы, и ступени, и скалы, и пеще-

ры, и могилы... Есть храмы нагорные: там свет солнышко играет со светом. Там вы увидите, как горят самоцветные камни и чистое золото. То дары бедных и дары богатых Богу единому. Мы же все братья и сестры равны гости на Божьем пире!

Паломники, кланяясь и молясь, проходят. Поют аллилуя <так!>.

Сцена 8ая

Авва выходит из храма. Нащупывает посохом путь.

Великий Колокол. Ударяет семь раз, один удар медленно за другим.

Агния припала на землю; обняв свой кувшин тихо молится. Авва закинул голову и слепыми глазами вперился в небо.

Авва. Совершится чудо. Семь куполов увижу небесного Собора. В суд или во оправдание земли? Люди, люди! **Протягивает руки с посохом.** Кто без вины? Кто никого не убил? Кто никого, никогда, нисколько не убил? Кто всегда друга миловал и недруга? Над могилой кто не рыдал раскаянным? Люди, ко мне! **Роняет посох.** Люди милостивые, не убившие, люди легкою стопой, невинною, ступающие по земле светлой и доброй, вы люди, объясните мне, в суд или в осуждение увижу на небе семь глав горящих, семь глав горящих, от семи ударов Великого Колокола?

Агния вскакивает. Мне страшно. Мне страшно. **Прикрывает лицо руками и плачет.**

Авва. Кто здесь? Кто скажет? Кто плачет? Ты плачешь? Марианна! Марианна! Ты жива?

Агния, громко взрыдав, бежит к нему. Авва нащупывает дрожащими руками ее лицо.

Агния. Дедушка! Дедушка! Боюсь!

Авва. Ты плачешь. Ты жива. Знаешь, Марьянна, я сон видел. Ты с ним легла обнявшись. Я вошел. Ты увидела и заплакала. Ты так вот заплакала, как теперь, как девочка. Я вынул нож из-за пояса и убил. Так убил. Марьянна! Марьянна! Марьянна!

Агния. Милый, милый, милый дедушка.

Гладит Авву по волосам, по лицу. Целует его руки, вкладывает в них посох. Бережно ведет через двор к своему кувшину. Ставит кувшин на голову. Оба проходят в левый проход.

Агния, проходя. Пойдем, дедушка, на большой двор. Станем вместе там посреди. Твоя корзина с хлебами, там готова у хлебопека. Станем вместе поить и кормить нищих. Солнце высокое. Солнце жаркое. Плиты каленые. Вот идет народ полудничать и отдыхать.

Сцена 9ая

Свет солнца яркий, жгучий. Со всех проходов собираются на двор паломники. Группами располагаются, ища тени. Вынимают еду из корзинок. В ворота входят, вползают в лохмотьях и нагие вереницей нищие, калеки, слепые, идиоты, прокаженные, лихорадочные. Кличут, стонут, протягивают руки. За одежды хватают проходящих. Получают подавание. Некоторые прячутся в тень вдоль стен и колоннады. Лихорадочные выползают на солнцепек, протягивают к лучам исхудавшие трясущиеся руки. В различных группах паломников разговаривают.

Группа 1ая.

1ая Паломница. Глядите, вот тот бредет всё распоясанный.

2ая Паломница. Он стоял у Владычицы в подземной. Пять часов на коленях, а лице белое, глядит на нее, как в безумии, и никого не видит. Так пять часов.

Зья Паломница. Он падал лицом на камни, руки вперед простирал, и так лежал подолгу.

1 Паломник. Грех его давит, или горе...

1ая Паломница. Всех нас давит.

2ая группа

Паломница вся в черном со светлым лицом, продолжая разговор: А некоторые и совсем здесь остаются. Тела их уже почти не нуждаются в пище. Их души горят как светильники земли. Их лица такие светлые, что когда бы они и сошли вниз с горы, ничья рука не поднялась бы на них, но всякий, уловивший их взгляд, унес бы его как память светлую о лучшей святой земле

Паломник мальчик, сидящий рядом с женщиной, голосом тихого восторга: Они как светильники земли горят перед Господом, и, набравшись Духу, разносят далеко по земле весть о Великом Колоколе.

Паломник старик. А у нас на селе таковой светлый в работах служил. Лютый был господин его из княжеской опричнины богатей, и то смирился. Село все наше просветлело. А как умер тот светлый с горы пришелец, так многие из нас в паломничество сошли сюда, потрудиться Великому Колоколу Батюшке.

Зья группа

Паломница в пышных лохмотьях продолжает речь: Как подарила мне та барыня рубашку, кофты две, да юбку и стало мне тяжело идти. Вижу у реки прачка полощет. А на спине кофта провалилась и тело нагое. А мальчик возле плачет: мама, мама! Я ей [постирать] на помочь<?> предложила, да на мне две кофты и еще внакидку пальто хорошее, хоть драное. От богатства оно нашего недавнего осталось: у нас с мужем торговля была. Прачка то мне и говорит: где тебе, миленькая, сама дополощу. Я всё-таки

помогла, а дело-то у меня в руках горит. Выполоסקали одним духом и в дом понесли. Я и говорю ей в доме-то: «На тебе нету рубашки» и стала раздеваться. Она плачет. Отнекивается. А я сняла рубашку: чистую, новую, <нрзб.>, что барыня дала, и дала ей и кофту одну дала. Она мне в ноги, а я-то ей поклониться желаю, и плачем оба. Она и говорит: холодно тебе будет, как пойдешь! Осень на дворе! А я как пошла, веришь ли, милая, вся вспотела, так жарко мне стало. А в город пришла, мне слепой дьякон и говорит: Пойди к сестре моей, она тебе что-то дать хотела! И научил, куда идти-то, а то я их и не знала никогда. Дает мне сестра дьяконова сверток. А в свертке-то рубашка да кофта. Вот и сейчас она на мне. Хорошая...

2ая Паломница. Да ты, что милая, говорит, да слезами сно-ва заливается. Не плачь. Сожжешь свет в глазах.

1ая Паломница. И то сожгла. Не вижу я свету ясного. Гляжу я на тебя, милая, а вижу как туман стоит... Да в роду это у нас слепота. Сын в прошлом году ослеп, да нищеты убоявшись и тьмы, добрел зимой до проруби и потопился...

4ая группа

1й Паломник. Нашей жизни хуже жизни и нет. У нас без милости господ: ни хлеба, ни травы скотине, а милость господ такая, чтобы шкуру с живых крестьян драть.

2й Паломник. У нас те же господа на прядильне гнетут...

3й Паломник. А мы ваших <?> же, в их рудниках слепнем

1ая Паломница. Были у нас господа добрые, да несчастье над ними совершилось: ума решились отец и сын. Старик жену молодую убил, Марианной звали, первая в свете красавица была. С полюбовником застал и зарезал. Посадили в больницу его, потому что на суде помутился разум его. Он там в больнице глаза выплакал, да убежал ночью с тех пор без вести пропал.

2ая Паломница. Я как на Аввушку слепого гляжу, всё старого барина доброго вспоминаю. Молюсь о смягчении мук его, не стерпело сердце, поднялась рука и свет жизни погас ему тою минуточкой.

1й Паломник. И какой был добрый. Двух сирот воспитывал с сыном единственным как равных братьев. Они теперь у нас вожаки сильные. Против господ и против князей народ поднимают.

3й Паломник. Это Яков и Лазарь.

1й Паломник. Вот, вот они. А Евгений, их брат, барский сын, сгинул исчез. Ума решившись, красавицу жену покинул и все имения оставил на раздачу крестьянам и работникам. Сам без вести пропал...

2ая Паломница, плача. На горе нам, покинул нас барин добрый! На горе нам послал Господь кару тяжкую дому их славному! Не удержалось добро их в наших глупых руках. К худшим господам, князевым слугам, мы в руки, во власть попались.

1й Паломник. Не доросли тогда дети <?> Яков и Лазарь. Доросли бы, не дали бы совершиться нашему несчастью!

3й Паломник. Вовремя спохватились бы, не лилась бы теперь кровь. Народ страхом собирают на князя и его слуг.

4й Паломник. Страхом в один загон загоняют Яков и Лазарь на восстание.

3й Паломник. Когда загонят в один загон, что и нет из него выхода, кроме смерти, люди от страха и побратаются!

4 Паломник. А вот как копыя заработают на наших телах, да пули засвищут, то и в восторг единения придем! Под топором-то все запляшем

Мало-помалу все ложатся и засыпают. Бредет тихо с посохом Авва, выстукивает свободные места в тени. Ложится. Многие из слепых и калек спят. Зной пышет. Молча проходят под колоннадой старцы молчальники. Садятся. Молятся <?>

Сцена 10

Агния подходит к Авве усталая с разбитым сосудом на голове. Авва тотчас приподымается.

Агния. Дедушка, это я. Спи, дедушка

Авва. Знаю, деточка, что ты. Не спится мне, Агния. Слепому не спится. Слепой слишком много слышит, чтобы спать. Тяжело у тебя на сердце, деточка?

Агния. А ты знаешь, дедушка?

Авва. Ступаешь ты тяжело.

Агния. Дедушка, в городе не ладно.

Авва. Внизу всегда неладно. Неладное внизу только неладным исправляют! На горе свято. Твой кувшин с трещиной, Агния?

Агния. Ты почему узнал?

Авва. Вода плещется в нем незвонко.

Агния. Дедушка, слушай. Когда стояла я на перекрёстке и поила прохожих, подошел ко мне Яков во главе большой толпы людей с оружием. Там я узнала много знакомых рабочих, прежде живших у меня. И протянула свою кружку. И ко мне протянулись их руки. Но Яков вышиб мою кружку и разлил святую воду и крикнул своим людям: «К чорту поповскую водоношу! Не смейте пить ее отравы. Я учу вас тому, чтобы вы для жизни жили, а попы учат вас жить для смерти. И о смерти воет Великий Колокол! Вперед на бой неравный, но святой. Вперед: за счастьем и красотой и справедливостью!». [Я поставила кувшин на голову и пошла прямо. Но мне вдогонку полетели камни, и один ударился мне в плечо, другой раз[над]бил мой об кувшин]. Тогда они зашумели между собой, а некоторые очень хотели пить, но другие отталкивали их от меня, и они дрались.

Авва. Тогда ты заплакала и пошла.

Агния. Да, дедушка, ты всё знаешь.

Авва. Слепые, всё знают.

Агния. Когда я пошла от них, они бросали в меня камнями.

Авва. Камни ушибли твои плечи, оттого ты тяжело ступаешь

Агния плачет. Один камень [раз]надбил кувшин.

Авва. Ты плачешь! **протягивает руки.** Лицо дай нащупать мне. Марианна! Марианна! Кто плачет?

Агния смеется, ласкаясь к нему: Дедушка, дедушка. Это я. Не плачу.

Авва, притягивая к себе на колени, баюкает и напевает: Марианна, засни! Засни, деточка, роденькая, желанная, засни!

Агния, улыбаясь, засыпает.

Авва в тихом исступлении. Моя Марианна жива и спит. Все здоровые спят от зноя. Кто дышит часто, стучит зубами? Вы в лихорадке? Придите ко мне.

Подползают лихорадочные.

Авва. Вам солнце любо. **Вытягивает из тени свои руки.** Жгут лучи, как песок горячий и всё же не согревает всех! Бедные мои!

Притесняются близко прокаженные.

Авва. Слышу дух от прокаженных. Ложитесь тихо в тень. Не троньте мою девочку. Ей иная судьба. Каждый свою судьбу за всех несет.

Приближаются слепые.

Авва. Братья, сюда, на мой голос. Я знаю осторожные шаги слепых.

Останавливаются ближе нищие и калеки.

Авва. Вам голод не дает спать. Жестоки сердца у людей внизу. Знаю. Вы уже не можете пропитать себя и ваши кровные выгнали вас без крова.

Некоторые из нищих. Им нечем было кормить нас!

Авва, прислушиваясь. Слышите стоны внизу. Слышите топот ног и коней далеко внизу? Вот когда не спишь так, слепой, а зрячие все спят, то слышишь, чего не могут слышать другие. Самой земли зов слышишь. Это знают слепые, да Великий Колокол.

Слепые. Так. Так.

Авва. Земля темная, братья, и во зле лежит. Земля сама себя грызет, как голодный медведь. Земля тяжелая. И зовет земля человека: просвети, улегчи, своим духом напой, чтобы и я, земля, познала Бога.

Многие. Так. Так.

В открытые ворота входят время от времени паломники. Несколько человек подходят к Авве.

1й Паломник. Старик, ты здесь старший?

Авва. Здесь нет старшóго. Великий Колокол здесь старшóй.

2й паломник. Там у ворот таятся люди. Их семь человек.

3й паломник. Бьют себя в грудь. Плачут. Войти боятся

4й паломник. Я их знаю. Это семь народных главарей.

1й паломник. Да, да. И я знаю. Это те, кого поставили Яков и Лазарь над восставшими.

3й паломник. Они бежали сюда.

1й паломник. Еще утром, когда Великий Колокол ударял семь раз.

Авва. Чудо совершается. Просветятся сердца и просветится мир.

4й паломник. Старик, пойдем с нами. Тебе они поверят.

3й паломник. Тебе поверят, слепому, и выйдут. Они боятся и с утра плачут у ворот.

1й паломник. И прячутся.

Авва. Ударит Колокол: они выйдут.

Сцена 11ая

Великий Кол.<окол> Ударяет один раз.

Агния просыпается. Становится на колени.

Авва. Входите братья! Входите братья!

Входят семь главарей народных. Головы опущены, одежды разодраны, бьют себя в грудь.

Главарь. Господи, милостив будь ко мне грешному!

Великий Кол.<окол> ударяет во второй раз.

Авва. Мир принявший убийство принимает. Братья вошедшие, кайтесь, кайтесь!

Главари бросаются на колени.

1й Главарь, целуя землю. Прости, земля!

2й Главарь, целуя землю. Мы запятнали тебя кровью

Авва. Кровь пролитая кровью отплатится.

3й Главарь. Старик, пусти меня под Велик.<ий> Кол.<окол>. Мы главари Народного восстания.

4й Главарь. Мы темные во тьме проливали кровь виновных и кровь невинных.

Вел.<икий> Кол.<окол> Ударяет в 3й раз.

Авва. Слепые вожди слепых, вы прозреете и прозрением вашим просветится мир. Чудо, чудо совершится! Горé, горé очи ваши. Строится на небесах семиглавый храм!

Хор колоколов, несется с башни рыданьем и восторгом.

Велик.<ий> Кол.<окол> гудит неустанно, мерно, предвоя колокола.

В толпе паломников многие рыдают, многие молятся. Кликуши кличат. Вбегают трое старцев пламенников и машут огненными рукавами.

1й Старец-пламенник. Пламенники! Пламенники!

2й Старец-пламенник. Сердца наши пламенники!

3й Старец-пламенник. Божий мир zalьется кровью!

1й Старец-пламенник. Пламенем загорится кровь святой слепоты!

2й Старец-пламенник. На алтаре Твоем.

3й Старец-пламенник. Бог пламенник душ, пламень — испупительный!

Главари. Аллилуйя! Осанна в Вышних!

Сцена 12ая

Лазарь и Яков врываются сквозь толпу.

Лазарь. Безумцы! Оголделые!

Яков. Чертовы шабашники!

Главари скрываются в проходе

Лазарь. Кто у вас есть человек! Эй! Где главари народного восстания!

Яков. Ваш колокол их на шабаш сюда скликал.

Лазарь. Мои дружинники покинуты. Над ними я поставил их главарями, чтобы согнать опричников княжеских с народной земли!

Яков. Мои покинули товарищей рабочих на заводах, прядильнях и рудниках! Они должны были захватить себе свое и прогнать тунеядцев разложителей народных!

Лазарь. Где они?

Яков. Мы за ними пришли.

Бросается к тому проходу, где скрылись главари.
Авва становится, схватывает Якова за одежду.

Авва. Остановись, сын, остановись!

Яков бешено. Я не сын тебе, старый святоша!

Авва. Кто пришел на голос Великого Колокола, того человек не уведет.

Лазарь. Да будешь ты проклят.

Авва. Не кляни, не кляни Отца.

Лазарь. Отец! Хорош отец! Вон, старик. **Отталкивает Авву.**

Авва. Слепы вы, не Авва слеп!

Сцена 13ая

Голоса и пение псалмов у ворот. Толпа приближается с опущенными покаянно головами, бьющая себя в грудь. Яков и Лазарь бегут в <к> воротам, запирают их. Двое главарей смело выступают на двор из прохода.

1й Главарь. Яков, открой, стучатся.

2й Главарь. Лазарь, открой ворота. Эти люди ушли за нами.

Лазарь хочет ударить ножом говорящего. Яков удерживает его руку.

Яков. [Изменники!] Зачем покинули товарищей. Их одоле-
ли княжеские воины

Лазарь. Погибло наше дело.

Подходят ещё три главаря

Яков. Вы не сумели поднять дружно всех товарищей

1й Главарь. Яков, ты велел мне поджечь прядильню, где спря-
тались пугливые отступившие от восстания! Я видел их лица в
огне под горящими балками! **Падает на землю рыдая.**

Стук нетерпеливый в ворот<а>.

2й Главарь. Откройте ворота и сами останьтесь с нами.

Яков. Изменники! Предатели!

2й Главарь. Тяжко нам, тяжело. Не тайных <?> путей!

4й Главарь. Из смерти как родиться жизни?

5й Главарь. Я убивал и не снес убийства. Вчера я топил-
ся в море, но люди вытащили. Сегодня меня позвал Вел<икий>
Кол.<окол>

Авва. Меч поднявший от меча погибнет.

Лазарь. На нас поднят меч, и поднявшие да погибнут.

Яков. Да погибнут.

1й Главарь. Да погибнут.

Яков. Ты с нами Матвей<?>! Ты вернешься.

1й Главарь. Я предал товарищей, прости, Яков

За воротами стук усиливается. Толпа ломится. Ворота нагибаются. Выходят остальные два главаря.

Два подошедших² главаря. Пустите стучащих!

Авва. Новую землю возлюбит<е>. Ниву святую и благословенный град!

Яков. Лазарь, держись. Их шестеро против нас троих!

Авва. Любовью рождается новая жизнь, преображением сердец, но из смерти родится смерть!

Лазарь. Яков, держись. Матвей <?>!

Борьба. Стук. Ворота трещат. Лазарь ударяет ножом одного главаря, потом другого. Оба падают. Четверо главарей отступают. Дикие крики по двору, вой. Стук снаружи усиливается.

Авва. На землю, на землю. Кровь пролилась. Кровь с матери слобзайте <так!>. **Бросается на землю.**

Сцена 14ая

Евгений выходит на двор из башенной двери. На нем одежда в лохмотьях. Серая ткань покрывает голову, свисая на лицо. С ним Агния.

Авва поднимаясь. Слышу. Слышу, звонарь идет.

Евгений останавливаясь. Агния, иди светить светильники в храме.

² Над строкой исправлено на *подбежавших*.

Агния. Боюсь за тебя. Там злые люди. Учитель, дозволю остаться при тебе.

Евгений. В храме Преображения погасли светильники. На душе моей тоска. Иди.

Агния покорная отходит в храм. Евгений идет в ворота. Толпа расступается впереди, смыкается позади. Целует его одежды, ноги. Ползут больные и калеки прикоснуться. Евгений останавливается. Всё смолкает.

Евгений к толпе. Прозвонил колокол. А вы еще здесь. Пусты храмы. Где ваши души.

Голоса из толпы. Здесь злые люди. Пришли снизу пролить кровь. Горе! Оставь нас с тобою. Мы защитим.

Евгений. Оставьте нас. Кто пришел на Колокол [слушает], повинуются <?> его голосу.

Паломники медленно расходятся. Двор пустеет понемногу. Евгений, подойдя к раненым товарищам, наклоняется над ними.

Евгений. Милые братья, вы умрете счастливыми

1й Главарь, слабо. Так. Да!

Евгений. Простите убивших. И они служат Богу, того не зная. Простите им.

Главари, умирая. Простите нас

Ворота снова <3 нрзб.> стук.

Авва. Ворота раскрываются.

Четверо главарей вбежали на зубцы.

Новые толпы! Новые толпы! Все тропинки по ту сторону оврага чернеют идущими. Молятся, бьют себя в грудь, поют Аллилуйя³.

Запирайте ворота, запирайте ворота.

Яков и Лазарь на зубцах стены над воротами.

Лазарь. Назад, трусы, изменники! Яков⁴. Назад, в город, к братьям, беглецы, дезертиры великого освобождения, нищие духа, попрошайки Бога.

Евг.<ений> поднимается на зубцы

Ждите, братья, ждите здесь. Грядет скоро. Ей, гряди, гряди!

Толпа за ворот<ами?>

Нищий <1 нрзб.>

Лазарь. Не слушайте обманщика, товарищи! Зажмите рот боголюбной кликуше. Яков<?>. Вспомните пролитую кровь ваших мучеников. Теперь пока вы здесь малодушествуете, город оцеплен железными цепями, и копейщики колют ваших жен и детей. Назад, с нами. Да здра<в>ствует воля, Лазарь.⁵ да сгинут насильники.

Толпа

Воля, воля!

Евг.<ений>

Да будет воля твоя

Яков.

Видели мы, какова Его воля. Да здравствует воля народная.

³ Начиная с этого фрагмента и до слов Евгения «Да здравствует воля народная» текст представляет собой черновой автограф рукой Вяч. Иванова (чернила с позднейшими добавлениями синим карандашом, обычная манера писателя).

⁴ Распределение реплик между персонажами в этом фрагменте сделано позже, с помощью обозначения их инициалами синим карандашом поверх уже написанного текста.

⁵ Распределение реплик между персонажами в этом фрагменте сделано позже, с помощью обозначения их инициалами синим карандашом поверх уже написанного текста.

[Евг <ений>] Да здрав.<ствует> воля народная.

Главари. Новые толпы! Новые толпы! ⁶

Толпы дружинников у ворот.

1й Главарь. Все тропинки по [ту] оврагу по ту сторону горы чернеют!

2й Главарь. Молятся! Бьют себя в грудь!

3й Главарь. Поют Осанну!

Лазарь. Назад, трусы, изменники.

Толпа гудит злобно.

Яков. Назад в город, беглецы, отступники великого освобождения, нищие духом, попрошайки Бога!

Из толпы голоса. Отоприте ворота. Звонарь! Звонарь! Отоприте.

Евгений, взойдя на зубцы. Братья! Насилием не откроются ворота горы! Ждите. Закаляйте дух вольным испытанием! Не слушайте обманщика, товарищи!

Лазарь. Яков, его голос странно смущает меня.

Авва (вопит) Ждите! Грядет скоро. Ей гряди, гряди.

Лазарь. Замолчи, бесноватый!

Яков. (оборачиваясь в Авве). Заткните рот, слепой кликуша! (к толпе). Товарищи, вспомните, пролитую кровь ваших мучеников. Теперь, пока вы малодушествуете, у здесь запертых ворот, там внизу враг закроет ворота города. И колят воины королевские ваших беззащитных жен и детей. Назад с нами, мы откроем ворота, чтобы выйти из Рая тунейдцев и повести вас на приступ ворот городских, чтобы в аду убийств и огня защитить тружеников, наказать насильников и объявить волю. Да здравствует воля. Да падет насилие!

⁶ Далее рукопись возвращается в руки Зиновьевой-Аннибал, которая, вероятно, воспользовалась черновиком мужа для написания той же сцены (или же она была плодом совместного творчества).

[Нар.<од>] Толпа снаружи. Воля. Воля.⁷

Евг.<ений> Да будет воля Твоя.

Яков. Видели мы, какова Его Воля. Да здоровствует воля народная!

Один из главарей. Глас народа Божий глас!

Як.<ов> главарям <?> Опомнились! С нами к народу!

Лазарь. Хлеб посеявшему!_

Яков. Плоды труда трудящемуся!

Лазарь и Яков. Да здоровствует правда!

Толпа. Правда! Правда!

Лазарь. Назад на бой! Не бойтесь смерти!

Яков. Не жизнь дорога человеку, а счастье! Для счастья сынов и внуков, за них, для счастья будущих людей мы умрем.

Авва. Для грядущей свободы подыдем иго легкое страдального Бога!

Лазарь. Смерть геройская наше счастье! Товарищи, уьемся все вместе братским восторгом. Умрем или победим!

Толпа. Победим! Умрем! Победим.

Главарь с зубцов. Мы все погибнем. Дело наше победит.

Голос из толпы. Звонарь! Благослови на святой бой!

Евгений. Дух великого гнева благословляет на бой, но не дух Божий.

В толпе за воротами смех. **Голос из толпы за воротами.** Молиться и терпеть... Это уже слышали от наших господ <? > <1 нрзб.>. Звонарь В.<еликого> К.<олокола> <2 нрзб.>!

1й главарь. Звонарь, ударь в Великий Колокол, собери верных, чтобы замолить наш грех. Мы идем в бой на смерть.

Евгений. Вел.<икий> Кол.<окол> не звонит к смерти, но к жизни.

4ый главарь (на коленях) Прости, звонарь!

Евгений. Сулят <?>! Бедные братья! Милые братья! Свято горят ваши сердца, но путь ваш слеп!

Яков. Довольно. Выдавайте главаря! Идите валяться на брюхе перед князем.

⁷ На обороте л. 22: **Лазарь** (хватая Евгения за плечо) Евг.<ений>! ты брось свой Кол.<окол>, свою Агнию, свой город!

Лазарь. Яков, отчего во мне сердце горит от голоса звонаря?

Толпа шумит за воротами

Яков. Лазарь, идем, откроем ворота и выйдем к ним вести их на приступ города к товарищам!

Лазарь и Як.<ов> сбегают вниз. Следуют главари. Евгений спускается задумчиво. Лазарь раскрывает ворота. Толпа хочет хлынуть за двери.

Яков. Назад. Там стойте. Этой земли не прикасайтесь.

Голос из толпы дружинников. Яков, Лазарь, выдайте нам звонаря, мы его поведем за собой, чтобы он не звонил.

Яков (смеется). Он не пойдет. Отшельники ленивы драться.

Голос из **толпы** дружинников. Мы его свяжем и поведем!

Яков. Это будет соблазном для товарищей дружинников в городе! Они ненавидят его, но почитают.

Толпа. Мы убьем его. Он соблазнил нас. Мы теряем путь. Нам темно. Мы должны умереть или убить его. (передние ряды рвутся во двор).

Евгений появляется с восторгом впереди Якова и Лазаря перед толпой. Дружинники отступают медленно. Раздается неясный гул. Смолкает. Тишина. Потом вздохи стоны плач. Передние становятся на колени.

Лазарь (бросается к Евгению). Проклятый, бесовская сила в тебе. Ты еще раз заворожил их. (к толпе) Трусые! Вы хотели убить его! Черви! Ползаете по земле перед ним. Так я... (вырывая свой нож).

Авва (дико кричит) Остановитесь! Убьешь брата! (врывается, бросая руками вперед между Лазарем и Евгением).

Лазарь толкает Авву.

Авва (падает, задерживаясь руками за платье Евгения. Срывает с его головы плат. Авва слышно, хрипло). Смотрите, смотрите, сыны, это брат ваш Евгений!

Лазарь. (дико) Евгений, Евгений. Гляди, Яков, вот отчего горело во мне сердце от его голоса. Яков, гляди! Евгений, наш брат.

Евгений, мы росли вместе. Мы трое чужие по крови, свои по любви и дружбе! Евгений, прекрасная душа, Евгений, ты отдавший все имения свои и красавицу жену покинувший и без вести пропавший, Евгений, я нахожу тебя [здесь]. Я могу обнять... Мое сердце не переставало с того дня болеть по тебе!

Евгений. Лазарь, милый брат, поднимем отца. (поднимают Авву, сажают его)

Яков, как во сне. Отца? Отца? Слепой старик его отец... наш отец.

Лазарь, вне себя. Да, Да, Яков. Тот, который взял нас из нищеты в свой избыток, из сиротства в свою любовь. И согрел детство нас троих равной любовью.

Поднимают Авву. Лазарь На коленях целует его руки.

[Як.<ов> Да, так. Он слеп. Когда он убил бедную Марьяну, его поместили в лечебницу для безумных. И он ослеп от слез! Помнишь, Лазарь, он не узнавал нас... когда мы приходили... Потом убежал... И вот, он...]

Лазарь [(целует руки слепого Аввы)] Отец, отец, поче[му] след скрылся, когда бежал из больницы слепым, прости. Евгений!

Евгений обнимает его, потом Якова.

Яков отталкивает его. Евгений, твоя Александра стала моей женой.

В толпе дружинников раздаются рыдания. Некоторые входят во двор. Главари молятся. [Верные все становятся на колени]

Лазарь (к дружинникам и главарям). Вы здесь. Вы соблазнились. Там гибнут товарищи в неравном бою. Слышите пушки палят. Слышите гул пьяных победным вином солдат!

Яков. Назад, говорю вам, назад. **К Евгению.** Но я не виноват перед тобой. Ты покинул своих людей, бросив им земли, заводы и рудники, бросил красавицу жену. Люди твои не удержали богатства. Мы были молоды еще, не помогли. Александра долго тосковала... Потом пришла ко мне, и я взял ее... **Злобно** Но не думай, что я счастлив. Она скоро бросила меня и теперь ищет <1 нрзб.> любви. Прощай, брат! Молись здесь <?> о своих грехах. Больших, нежели ты знаешь. Пути наши разные. Да придет <1 нрзб.> целитель <1 нрзб.>.

Дружинники. Звонарь, звонарь.

Лазарь (дико). Нет, нет. Тому не бывать. Не звонить колоколу! (хватает Евгения за плечо, трясет). Брат, Евгений, моя ненависть на тебя. Предатель, ты начал дело народа, [ты отдал свои права и свое имущество и] предал дело народа. [Евгений брат, ты] умрешь. Смотрите, товарищи, свята ли мне любовь моего сердца и детство и юность и благодарность. Свято дело народа!

Дружинник. Свято дело народа!

Лазарь. Кто мне, брат, и кто мать и кто близкий. Смотрите, как умрет прошлое для будущего, Евгений, ты ляжешь, рядом с теми двумя!

[Разма<хивается?>] подымает на Евг.<ения> руку с ножом.

Агния, примчавшись, повисла на шее Евге<ния>. Лазарь колеблется ударить

Яков (останавливает руку Лазар<я>). Оставь, ты соблазнишь многих. Он свят для многих, и они покинут наше дело, ужаснувшись. Уйдем с нашими, пусть прошлое само себя погребет.

Лазарь (отступая, швыряет нож) Мои проклятия на вас! (стоит как раненый). Двигается к выходу за Яковом. Они останавливаются). Яков, ты по слабости своего сердца не дал мне убить его. Это отомстится нам... Яков, убьем эту девочку, которая спасла его. Это Агния, маленькая разнощица священной воды!

Яков (тянет его за собою) Оставь их. (к главарям) Подберите ваших мертвых, пусть они будут вам примером и страхом.

Стемнело. Встает медленно месяц. Мало-помалу возвращаются паломники из церквей. Евгений долго стоит потерянный. Авва без сил сидит на земле. Агния тихо плачет возле него.

Авва, бредно Марианна, Марианна, Марианна.

Евгений в тихом исступлении. Великую жертву я совершил. Я предал милый мир, дабы вновь обрести его святым!

Паломники укладываются спать. Некоторые прощаются плача с товарищами. Идут к воротам.

Голоса из глубины двора неосвященный <1 нрзб.> мыслями: Вы <1 нрзб.>. Прощай, милая! Иди в мир с миром! Иду с миром, но тоскует душа по сладости горя <?>! ... Тоскою будешь помнить... не забудешь! Тоскою по незабытому преобразим жизнь! И я скоро пойду. И мы! Прощайте! До свидания. Не плачь! Плачу и легки слезы!

Голоса стихают. Изредка тихие стоны.
Тихо входят во двор со стены над
кладбищем трое старцев, созерцателей.

1й Созерцатель. Мир спит и видит сон страдания.

2й '''<Созерцатель> Сон красоты.

3й И сон трагедии.

3й Созерцатель. Бог спит и видит сон мира.

1й Созерцатель. Мы тени сна.

2й Созерцатель. Из сна мы созерцаем.

3й Созерцатель. Мудрые убили волю.

3й Созерцатель. Мы тени сна. Но где Сновидец?

Евгений (идет к середине двора, садится у колонны. Агния приводит Авву и головою <?> ложится в ногах его). Молча мимо них проходят молчаливники, выступившие из уютного храма.

Агния робко. Евгений, ты скучаешь по Александре.

Авва. Нет. Я с нею.

Агния. Евгений, что сказал тебе брат Яков.

Евгений. Что Александра была его женой.

Агния. Тебе больно?

Евгений, задумчиво. Александра ищет полноты и не может остановиться на неполном. Мы одного духа. **К Агнии ласково.** Агния, я вижу их снова

Агния. Святые тени?

Евгений. Да. Глади над теми, что всегда молчат.

Агния. Учитель, я вижу их. Они тихо проносятся в воздухе.

Евгений. Милая сестрица, как тихо становится на душе, когда твоя голова касается моих колен. Ты любишь меня, Агния?

Агния. Люблю, учитель.

Евгений. За что <?>

Агния. Ты знаешь.

Евгений. Еще раз скажи.

Агния. Когда я без тебя одна, мне становится и страшно. Я теряю себя как будто. Знаешь же, бьется как крылышками, душа и ничего не пойму. Темна жизнь, учитель. Ищу и мне страшно. Но когда ты со мною, или ты на башне и звенит Вел<икий> Кол.<окол> — мне хорошо. Учитель! Как же можешь меня любить, меня такую глупую?

Евгений. Деточка, трепетная, деточка, душа моя. Уберечь бы мне душу свою, Агнию мою!

Агния (вздрагивает). Ты видишь, они смутились.

Евгений. (просыпаясь) Кто?

Агния. Святые тени.

Евгений. Нет, Агния. Они витают над нами и несут наши порывы.

Агния. Они смутились. Учитель, мне страшно (плачет).

[Занавес]

Евгений, **глядя ее** <по> голове. Гляди, заснул отец. Засни и ты.

Агния в полусне. Засни и ты.

Несколько минут тишина. Месяц стоит прямо над двором. Евгений встает, укладывает Агнию близ Аввы. Проходит мимо спящих к башне. Входит в ее дверь.

Занавес.